

М. А. БУЛГАКОВ

БАГРОВЫЙ ОСТРОВ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

БАГРОВЫЙ ОСТРОВ

*Генеральная репетиция пьесы гражданина
Жюль Верн в театре Геннадия Панфиловича.*

*С музыкой, извержением вулкана
и английскими матросами.*

В 4-х действиях с прологом и эпилогом.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

- Геннадий Панфилович, директор театра, он же лорд Эдвард Гленарван.
- Василий Артурович Дымогацкий, он же Жюль Верн, он же Кири-Куки, проходимец при дворе.
- Метелкин Никанор, помощник режиссера, он же слуга Паспарту, он же ставит самовары Геннадию Панфиловичу, он же говорящий попугай.
- Жак Паганель, член географического общества.
- Лидия Иванна, она же леди Гленарван.
- Гаттерас, капитан.
- Бетси, горничная леди Гленарван.
- Сизи-Бузи Второй, белый арап, повелитель Острова.
- Ликки-Тикки, полководец, белый арап.
- Суфлер.
- Ликуй Исаич, дирижер.
- Тохонга, арап из гвардии.
- Кай-Кум, первый положительный туземец.
- Фарра-Тете, второй положительный туземец.
- Музыкант с валторной.
- Савва Лукич.
- Арапова гвардия (*отрицательная, но раскаялась*),
красные туземцы и туземки (*положитель-*

ные и несметные полчища), гарем Сизи-Бузи, английские матросы, музыканты, театральные кадристы, парикмахеры и портные.

Действие 1-е, 2-е и 4-е происходят на необитаемом острове, действие 3-е — в Европе, а пролог и эпилог — в театре Геннадия Панфиловича.

ПРОЛОГ

Открывается часть занавеса, и появляется кабинет и гримировальная уборная Геннадия Панфиловича. Письменный стол, афиши, зеркало. Геннадий Панфилович, рыжий, бритый, очень опытный, за столом. Расстроен.

Где-то слышна приятная и очень ритмическая музыка и глухие ненатуральные голоса (*идет репетиция бала*).

Метелкин висит в небе на путаных веревках и поет
«Любила я, страдала я, а он, подлец, сгубил меня...».

День

Геннадий. Метелкин!

Метелкин (*сваливаясь с неба в кабинет*). Я, Геннадий Панфилович.

Геннадий. Не приходил?

Метелкин. Нет, Геннадий Панфилович.

Геннадий. Да на квартиру-то к нему посылали?

Метелкин. Три раза сегодня курьер бегал. Комната на замке. Хозяйку спрашивает, когда он дома бывает, а та говорит: «Что вы, батюшка, да его с собаками не сыщешь!»

Геннадий. Писатель! А! Вот черт его возьми!

Метелкин. Черт его возьми, Геннадий Панфилович.

Геннадий. Ну, что квакаешь, как попугай? Делай доклад.

Метелкин. Слушаю. Задник у «Марии Стюарт» лопнул, Геннадий Панфилич.

Геннадий. Что же, я, что ли, тебе задники чинить буду? Лезешь с пустяками. Заштопать.

Метелкин. Он весь дырявый, Геннадий Панфилич. Намедни спустили, а сквозь него рабочих на колосниках видать...

На столе звенит телефон.

Геннадий. Заплату положи. (*По телефону.*) Да. Театр. Контрамарок не даем. Честь имею. (*Кладет трубку.*) Удивительное дело. В трамвай садится, небось, он у кондукторши контрамарки не просит, а в театр он почему-то священным долгом считает ходить даром. Ведь это нахальство! А?

Метелкин. Нахальство.

Геннадий. Дальше.

Метелкин. Денег пожалте, Геннадий Панфилич, на заплату.

Геннадий. Сейчас отвалю. Червонцев пятьдесят, как этому гусю уже отвалил!.. Возьмешь, вырежешь... (*Телефон.*) Да?.. Контрамарок не даем. Да. (*Кладет трубку.*) Вот типы! Возьмешь... (*Телефон.*) Никому не даем. (*Вешает трубку.*) Наказание божеское! Возьмешь, стало быть, задник... (*Телефон.*) Ах, чтоб тебе треснуть!.. Что? Никому не даем!.. Виноват... Евгений Ромуальдович! Не узнал голоса. Как же... с супругой? Очаровательно! Прямо без четверти восемь пожалуйста в кассу. Всего добренького. (*Вешает трубку.*) Метелкин, будь добр, скажи кассиру, чтобы загнул два кресла посередине во втором ряду этому водяному черту.

Метелкин. Это кому, Геннадий Панфилович?

Геннадий. Да заведующему водопроводом.

Метелкин. Слушаю.

Геннадий. Возьмешь, стало быть... Дыра-то велика?

Метелкин. Никак нет, маленькая. Аршин пять-шесть.

Геннадий. По-твоему, большая — это версты в три? Чудак! (*Задумчиво.*) «Иоанн Грозный» больше не пойдет... Стало быть, вот что. Возьмешь ты, вырежешь подходящий кусок. Понял?

Метелкин. Понятно. (*Кричит.*) Володя! Возьмишь из задника у «Иоанна Грозного» кусок, выкроишь из него заплату в «Марию Стюарт»!.. Не пойдет «Иоанн Грозный»... Запретили... Значит, есть за что... Какое тебе дело?..

Телефон.

Геннадий (*слушает*). Нет, не дам. (*Вешает трубку.*) Еще что?

Метелкин. Велите вы школьникам, Геннадий Панфилович, ведь это безобразие. Они жабами лица вытирают.

Геннадий. Ничего не понимаю.

Метелкин. Выдал я им жабы на «Горе от ума», а они вместо тряпок ими грим стирают.

Геннадий. Ах, бандиты! Ладно, я им скажу. (*Телефон звенит. Не снимая трубки.*) Никому контрамарок не даем. (*Телефон умолкает.*) Ступай.

Метелкин. Слушаю. (*Уходит.*)

Геннадий. Первый час. Но если, дорогие граждане, вы хотите знать, кто у нас в области театра первый проходимец и бандит, я вам сообщу. Это — Васька Дымогацкий, который пишет в разных жур-

нальчиках под псевдонимом Жюль Верн. Но вы мне скажите, товарищи, чем он меня опоил? Как я мог ему довериться?

Метелкин (*быстро входит*). Геннадий Панфи-лыч! Пришел!

Геннадий (*хищно*). А! Зови его сюда, зови, зови! Метелкин. Пожалуйста. (*Уходит.*)

Дымогацкий (*с грудой тетрадей в руках*). Здравствуйте, Геннадий Панфилыч!

Геннадий. А, здравствуйте, многоуважаемый товарищ Дымогацкий, здравствуйте, месье Жюль Верн!

Дымогацкий. Вы сердитесь, Геннадий Панфи-лыч?

Геннадий. Что вы? Что вы? Ха-ха! Я сержусь? Хи-хи! Я в полном восторге! Прямо дрожу от восхищения!

Дымогацкий. Болен я был, Геннадий Панфи-лыч... Ужас, как болен...

Геннадий. Скажите, пожалуйста. Ах, ах! Скарлатиной?

Дымогацкий. Жесточайшая инфлуэнца, Ген-надий Панфилыч.

Геннадий. Так, так.

Дымогацкий. Вот, я принес, Геннадий Пан-филыч.

Геннадий. Какое у нас сегодня число, гражда-нин Дымогацкий?

Дымогацкий. Восемнадцатое, по новому стилю.

Геннадий. Совершенно верно. И вы мне дали честное слово, что пьесу в исправленном виде доста-вите пятнадцатого.

Дымогацкий. Всего три дня, Геннадий Панфи-лыч.

Геннадий. Три дня! А вы знаете, что за эти три дня произошло? Савва Лукич в Крым уезжает! Завтра в 11 часов утра!

Дымогацкий. Да что вы?

Геннадий. Вот оно и «да что вы»! Стало быть, ежели мы сегодня ему генеральную не покажем, то получим вместо пьесы кукиш с ветчиной! Вы мне, господин Жюль Верн, сорвали сезон! Вот что! Я, старый идеалист, поверил вам! Когда вы аванс в пятьсот рублей тяпнули, у вас, небось, инфуэнцы не было по новому стилю! Так писатели не поступают, дорогой гражданин Жюль Верн!

Дымогацкий. Геннадий Панфилич! Что же теперь делать?

Геннадий. Что теперь делать? Не говоря уже о том, что я вам пятьсот рублей всучил, как в бреду, я еще на декорации потратился, я вверх дном театр поставил, я весь производственный план сломал! Метелкин! Метелкин!

Метелкин (*убегает*). Я, Геннадий Панфилич!

Геннадий. Вот что: что они там делают?

Метелкин. Сцену бала репетируют.

Геннадий. К черту бал! Вели прекратить, и чтобы ни один человек из театра не уходил!

Метелкин. Разгримировываться?

Геннадий. Некогда! Все нужны! Как есть!

Метелкин. Слушаю. (*Убегает.*) Володька! Вели швейцару, чтобы ни одного человека из театра не выпускал!

Геннадий (*вслед*). Все школьники нужны! Оркестр!.. Первый час в начале. Ну, Господи, благослови! (*По телефону.*) 16–17–18. Савву Лукича, пожалуйста! Директор театра Геннадий Панфилич... Савва Лукич? Здравствуйте, Савва Лукич. Как здоровьице?

Слышал, слышал. Починка организма, как говорится. Переутомились. Хе-хе! Вам надо отдохнуть. Ваш организм нам нужен. Вот какого рода дельце. Известный писатель Жюль Верн представил нам свой новый опус «Багровый остров». Как умер? Он у меня в театре сейчас сидит. Ах... хе-хе. Псевдоним. Гражданин Дымогацкий. Подписывается Жюль Верн. Страшный талантище...

Дымогацкий вздрагивает и бледнеет.

Так вот, Савва Лукич, необходимо разрешеньице. Чего-с? Или запрещеньице? Хи! Остроумны, как всегда! Что? До осени? Савва Лукич, не губите! Умоляю посмотреть сегодня же на генеральной... Готова пьеса, совершенно готова. Ну, что вам возиться с чтением в Крыму? Вам нужно купаться, Савва Лукич, а не всякую ерунду читать! По пляжу походить, Савва Лукич, убиваете! В трубу летим! До мозга костей идеологическая пьеса! Неужели вы думаете, что я допущу что-нибудь такое в своем театре?.. Через двадцать минут начинаем. Ну, хоть к третьему акту, а первые два я вам здесь дам просмотреть. Крайне признателен. Гран мерси! Слушаю, жду! (*Вешает трубку.*) Уф! Ну, теперь держитесь, гражданин автор!

Дымогацкий. Неужели он так страшен?

Геннадий. А вот сами увидите. Я тут наговорил — идеологическая, а ну как она вовсе не идеологическая? Имейте в виду, я в случае чего беспощадно вычеркивать буду, тут надо шкуру спасать. А то так можно вляпаться, что лучше и нельзя! Репутацию можно потерять... Главное горе, что и просмотреть-то ведь некогда. (*Разбирает тетради.*)

Дымогацкий. Я старался, Геннадий Панфилович.

Геннадий. Как стараться! И так, стало быть, акт первый. Остров, населенный красными туземцами, кои живут под властью белых арапов... Позвольте, это что же за туземцы такие?

Дымогацкий. Аллегория это, Геннадий Панфилич. Тут надо тонко понимать.

Геннадий. Ох уж эти мне аллегии! Смотрите! Не любит Савва аллегии до смерти! Знаю я, говорит, эти аллегии! Снаружи аллегия, а внутри такой меньшевизм, что хоть топор повесь! Метелкин! Метелкин!

Метелкин (*вбегая*). Чего изволите?

Геннадий. На монтировку пьесы назначаю тебя. Получай, дружок, экземпляр. Первый акт. Экзотический остров. Бананы дашь, пальмы... (*Дымогацкому*.) Он в чем живет? Царь-то ихний?

Дымогацкий. В вигваме, Геннадий Панфилич.

Геннадий. Вигвам, Метелкин, нужен.

Метелкин. Нет вигвамов, Геннадий Панфилич.

Геннадий. Ну, хижину из «Дяди Тома» поставишь. Тропическую растительность, обезьяны на ветках, трубочки с кремом и самовар.

Метелкин. Самовар бутафорский?

Геннадий. Э, Метелкин, десять лет ты в театре, а все равно как маленький! Савва Лукич придет генеральную смотреть.

Метелкин. Так, так, так...

Геннадий. Ну, значит, сервируешь чай. Скажи буфетчику, чтобы составил два бутерброда побогаче, с кетовой икрой, что ли.

Метелкин (*в дверь*). Володя! Сбегай к буфетчику! Самовар на генеральную.

Геннадий. Вот оно! Не пито, не едено, а уже расходы начинаются! Смотрите, господин автор! Какой-то доход от вашей пьесы будет, еще неизвестно, да и вообще будет ли он? Да-с... Вулкан! А-а... без вулкана обойтись нельзя?

Дымогацкий. Геннадий Панфилович! Помилуйте! У меня извержение во втором акте. На извержении все построено.

Геннадий. Эх, авторы, авторы! Пишете вы безо всякого удержу! Хотя извержение — хорошая штука! Кассовая! Публика любит такие вещи. Вот что, Метелкин! Гор ведь у нас много?

Метелкин. Горами хоть завались. Полный сарай.

Геннадий. Ну, так вот что: вели бутафору, чтобы он гору, которая похуже, в вулкан превратил. Одним словом, действуй!

Метелкин (*уходя, кричит*). Володя, крикни бутафору, чтобы в Арарате провертел дыру вверх и в нее огню! Что? Да, с дымом. А ковчег скиньте.

Лидия (*стремительно входит*). Здравствуй, Геня.

Геннадий. Здравствуй, котик, здравствуй. Да... вот позволь тебя познакомиться... Василий Артурыч Дымогацкий, Жюль Верн. Известный талант.

Лидия. Ах, я так много слышала о вас!

Геннадий. Моя жена, гран-кокетт.

Дымогацкий. Очень приятно.

Лидия. Вы, говорят, нам пьесу представили?

Дымогацкий. Точно так.

За сценой музыка внезапно прекращается.

Лидия. Ах, это очень приятно. Мы так нуждаемся в современных пьесах! Надеюсь, Геннадий Панфилович, я занята? Впрочем, может быть, я не нужна в вашей пьесе?

Дымогацкий. Ах, что вы! Очень, очень приятно.
Геннадий. Конечно, душончик, натурально.
Вот — леди Гленарван!.. Очаровательнейшая роль.
Вполне твоего типажа женщина. Вот, бери!

Лидия (*овладевая ролью*). Наконец-то! Мой Геннадий из-за того, чтобы не подумали, что он дает мне роли вследствие родства, совершенно игнорирует меня. В этом сезоне я была занята только восемь раз...

Геннадий. Театр, матушка, это храм, этого тоже не следует забывать.

Метелкин (*врывается*). Механик спрашивает: корабль с парусами?

Геннадий. Василий Артуруч!

Дымогацкий. С парусами и с трубой. Шестидесятых годов.

Метелкин (*улетая*). Володя!..

Геннадий (*ему вслед*). Метелкин! Всех на сцену! Всех срочно!

Метелкин (*за сценой*). Володя!..

Слышны отчаянные электрические звонки.

Занавес раздвигается и скрывает кабинет Геннадия.

Появляется громадная пустынная сцена.

Посредине ее стоит вулкан, сделанный из горы,
и изрыгает дым.

Метелкин (*отступая задом*). Живет! Володя!
Ставь его на место!

Вулкан скромно уезжает в сторону. На сцену начинает выходить труппа: дирижер Ликуй Исаич во фраке, суфлер, Ликки во фраке, Сизи-Бузи во фраке, какие-то тонконогие барышни с накрашенными губами... Гул, говор..

Женские голоса: «Новая пьеса... новая пьеса...»

Сизи. В чем дело? Репетиция?